

Автор
Дёмин Андрей
Сергеевич

Приключения
Тишки

Андрей Дёмин

Приключения Тишки

«Автор»

2026

Дёмин А. С.

Приключения Тишки / А. С. Дёмин — «Автор», 2026

Увлекательные приключения зайчонка Тишки и его друзей в лесу, в котором скучать не приходится.

© Дёмин А. С., 2026

© Автор, 2026

Андрей Дёмин

Приключения Тишки

Тишка и Золотое Пёрышко

В самом уютном уголке Большого Леса, под раскидистым старым дубом, жила-была большая семья Зайцев. Главу семьи, самого серьёзного и мудрого зайца, звали папа Зайцевич. Его жена, добрая и заботливая, была просто мама Зайчиха. А ещё с ними жила древняя старушка, которая знала всё на свете – бабушка Фёкла (поскольку она была самой старой, все звали её просто по имени, без лишних добавлений).

В этой шумной компании было пятеро зайчат. Единственная дочка, красивая и ласковая, которую все берегли и любили, звалась Заечка. Четыре брата-погодка, которые только и делали, что бегали, прыгали и иногда баловались, носили имена: Пушок, Шустрик, Топотун и Рваное Ухо (прозвище прилипло к нему после встречи с драчливым ежонком, хотя ухо давно зажило).

А нашего главного героя – самого маленького, но самого любопытного и доброго зайчонка – звали Тишка.

Пока братья возились и пихались, а Заечка плела веночек из одуванчиков, Тишка мог сидеть и полчаса смотреть на муравья, тащившего соломинку, или слушать, как стучит дятел где-то высоко на сосне.

Однажды утром он отправился на опушку, где рос куст ежевики. Ветки были колючими, но ягоды – самыми сладкими, и мама Зайчиха обещала испечь ежевичный пирог, если Тишка наберёт полную корзинку. Вдруг он услышал странный звук: тоненький писк, похожий на плач комарика, но жалобнее и тише.

Тишка раздвинул траву и увидел маленькую серую птишку. Она сидела на земле, прижав крылышко, и дрожала.

– Ты чего плачешь, малышка? – спросил Тишка, присаживаясь на задние лапки и осторожно протягивая нос, чтобы понюхать птичку – вдруг она больная?

– Я упала из гнезда, – пропищала птишка. – Ветка была скользкой после дождя. А мама меня ищет, я её слышу, вон она кричит, но подняться не могу – крылышко болит.

Тишка очень хотел помочь, но как? Он же не умеет летать, да и ветки высоко. И тут он заметил под кустом нечто необычное – длинное, блестящее, оранжевое с чёрным кончиком.

– Ой, смотри, что это? – спросил он у птишки, подталкивая находку лапкой.

– Это Перо, – ответила птичка, склонив голову набок. – Золотое перо. Наверное, его обронила та большая красивая птица – Сойка-Златокрылка, что пролетала утром. Оно тёплое, потрогай.

Тишка осторожно взял перо в лапки. Оно и правда было тёплым и чуть-чуть светилось на солнце, переливаясь золотом. И тут ему в голову пришла замечательная мысль. Он сунул перо птичке в клювик.

– Держись крепче! Не вырони!

А сам, пристав на цыпочки, изо всех сил потянулся вверх, высоко-высоко подняв перо с птичкой. Крылышко у птишки болело, но лапками она смогла перебирать, цепляясь за шершавую кору. Тишка подпрыгивал, тянулся, даже встал на пенёк, но всё равно было высоко.

– Давай, ещё немножко! – подбадривал он птичку.

Так, шаг за шагом, с помощью Тишки и волшебного пёрышка, птишка забралась обратно в своё гнездо, которое было спрятано в развилке ветвей. Она буквально упала в него от усталости, но была дома.

– Спасибо тебе, храбрый Заяц! – прошептала мама-птичка, которая как раз прилетела к гнезду и чуть не сошла с ума от радости. – Как тебя зовут?

– Я Тишка, – смутился зайчонок, вытирая лапкой пот со лба.

– Запомни, Тишка, – сказала птичка, – добро всегда возвращается!

В этот день он пришёл домой весь перемазанный землёй, с колючкой в ухе, с оторванным листочком на хвостике и... с пустой корзинкой. Ни одной ягодки.

– Опять витал в облаках! – покачал головой папа Зайцевич, откладывая газету «Лесные вести».

– Я помогал! – возразил Тишка.

– Кому? Опять муравьиный домик строил? – засмеялся Пушок.

– Нет, – тихо сказал Тишка, – Птичке. Она упала из гнезда.

Братья переглянулись и прыснули со смеху. Но тут в норку влетело лёгкое дуновение ветерка, покружилось над столом, и на пол мягко упало... Золотое Пёрышко. Оно лежало у лап Тишки и мягко светилось в сумерках.

Все замерли. Даже Шустрик перестал хихикать.

Бабушка Фёкла сняла очки, протёрла их и улыбнулась своим морщинистым заячьим ртом:

– Кто помогает слабым, тому даже лес дарит подарки. Положи-ка это перо, внучек, в свою коробочку с сокровищами. Такие вещи просто так не валяются.

С тех пор Тишка часто смотрел на пёрышко перед сном и вспоминал, что даже самый маленький зайчонок может сделать большое и важное дело. А Заечка попросила брата иногда давать ей пёрышко подержать – "просто помечтать".

Тишка, Бобрович и Мост Дружбы

Прошло несколько дней. Золотое пёрышко лежало в коробочке под кроватью Тишки, а сам он сидел на берегу Лесного ручья и болтал ногами в прохладной воде. Рядом журчала запруда – целое инженерное сооружение из веток, ила и камней. Здесь, у самой плотины, жил его лучший друг – Бобрович (полное имя было Бобр Бобрович, потому что его папа был тоже Бобр Бобрович, но для друзей он был просто Бобрович). Это был важный и деловой бобрёнок, который вечно что-то строил, чинил и таскал в своей зубастой пасти.

– Бобрович! – крикнул Тишка, увидев знакомую круглую голову. – Бросай свои палки, пойдём в салочки играть!

Из воды показалась мокрая круглая мордочка с огромными оранжевыми зубами.

– Некогда, Тишка, – деловито ответил Бобрович, вылезая на берег и отряхиваясь так, что Тишку обдало тысячью брызг. – Видишь, ветки кончились? А плотину чинить надо. Вон туча идёт, скоро дожди польют, воду в запруде держать нужно, иначе мою хатку затопит.

Бобрович тяжело вздохнул и посмотрел на другой берег ручья, где лежала огромная куча отличных веток, которые принесло течением после бури.

– Вон они, ветки – красотища! Рядом, а не достать. Старая переправа развалилась, а мне вплавь туда – тяжело. Я же не рыба, в лапках ветки не удержать, плыть далеко, захлебнуться можно.

Тишка посмотрел на груды веток, потом на расстроенного Бобровича, потом снова на ветки, и его уши слегка затряслись – это значило, что в голову пришла идея.

– А давай мост построим? – предложил он.

Бобрович удивлённо посмотрел на друга.

– Из чего? Ты чего, Тишка? У меня тут ни одного брёвнышка лишнего. И доски не растут на деревьях.

– А мы не из брёвен, – Тишка подпрыгнул от радости, чуть не упав в воду. – Мы из нас! Живой мост!

И он начал объяснять свой план. Бобрович слушал, и его бобриные глазки становились всё круглее и круглее, а потом и вовсе засияли.

Через полчаса на берегу ручья было столпотворение. Прибежали все братья Тишки: Пушок, Шустрик, Топотун и даже Рваное Ухо, который как раз дрался с лопухом и был рад отвлечься. Прискакала Заечка (ей было просто интересно, и она захватила с собой пирожок для всех), и даже папа Зайцевич вышел из норы посмотреть, что за шум на воде.

– А ну, становись цепочкой! – скомандовал Тишка, чувствуя себя главным строителем.

Зайчата выстроились в живую цепочку от самой кучи веток до самого края воды. Первым стоял Тишка. Он брал ветку, которую Бобрович ловко сгружал с кучи, и передавал её Пушку. Пушок – Шустрику. Шустрик – Топотуну. Тот – Рваному Уху. Рваное Ухо – Заечке (она стояла ближе всех к воде). А Заечка аккуратно протягивала ветку прямо в лапы Бобровичу, который тут же укладывал её в плотину.

– Эй, на берегу, веселей, не засыпай! – кричал Бобрович, работая хвостом, как мастерком.

– Принимай, работяга! – кричали зайчата, передавая ветки.

Работа закипела не хуже, чем на настоящей большой стройке. Даже Заечка не капризничала – она чистила ветки от лишних листочков, чтобы Бобровичу удобнее было их укладывать в стену. Папа Зайцевич сначала просто стоял, важно задрав голову, но потом незаметно пододвинул лапой пару тяжёлых брёвнышек поближе к цепочке, чтобы малышам было легче.

К вечеру, когда солнце коснулось верхушек деревьев, а туча так и не пролилась дождём (видно, ждала, пока закончат работу), плотина была готова. Даже лучше, чем была. Бобрович сидел на ней верхом, важный и довольный, как настоящий хозяин запруды.

– Спасибо, братва! – сказал он зайчатам, сияя своими зубами. – Теперь мне тут на месяц работы хватит. А хотите, я вам... секрет покажу?

Глаза у зайчат загорелись. Бобрович нырнул в воду, долго не появлялся, а потом вынырнул с большим зелёным листом кувшинки, на котором лежала целая горсть сладкого речного миндаля – лакомства, которое бобры прячут на дне в особых кладовках.

– Угощайтесь. За работу. Честная бригада!

В этот вечер Тишка, перемазанный илом, с мокрыми лапками, с веточкой в ухе и счастливой улыбкой до ушей, шёл домой во главе своей команды. В корзинке у него лежало угощение для всех – и для папы Зайцевича, и для бабушки Фёклы, и для мамы Зайчихи, которая, кстати, уже начала волноваться, куда это запропастились все её зайчата, да ещё и с Заечкой вместе.

– Стройка у нас была, мама, – важно сказал Топотун, отдуваясь. – Мост.

– Живой мост, – добавил Шустрик.

– Дружбы мост, – тихо улыбнулся Тишка.

И мама Зайчиха, увидев счастливые мордочки своих зайчат и заметив, что Заечка не простудилась, а братья не подрались ни разу за весь вечер, конечно, сразу же их всех обняла, усадила за стол и поставила большую миску с горячим морковным чаем и ежевичным пирогом (ягоды для которого папа Зайцевич всё-таки насобирав, пока наблюдал за стройкой).

Тишка и Потерянный голос

В Большом Лесу наступило утро, но какое-то странное. Обычно ещё до того, как солнце поднималось выше самых высоких сосен, лес наполнялся птичьим пением. А сегодня было тихо. Подозрительно тихо.

Тишка как раз проснулся, потянулся всеми четырьмя лапками, зевнул и прислушался.

– Мам, а почему птички не поют? – спросил он, вылезая из-под одеяла из сухих листьев. Мама Зайчиха замесила тесто и тоже навестила уши.

– И правда, странно... – протянула она.

За завтраком обсуждали только это. Пушок предполагал, что птицы улетели на юг пораньше. Шустрик думал, что они просто охрипли после вчерашнего концерта. А Рваное Ухо заявил, что ему всё равно, потому что от птичек шум один.

– Нехорошо, – покачала головой бабушка Фёкла. – Без птичьего пения и лес не лес. Надо бы сходить, поведать.

Тишка доел морковку быстрее всех и выскочил из норы. Он побежал не куда-нибудь, а к большому дубу, где жила его знакомая птичка – та самая, с Золотым пёрышком. Её звали Зинька.

– Зинька! – крикнул Тишка, задрал голову. – Ты тут?

Из гнезда показалась знакомая серая головка. Зинька открыла клювик, но оттуда вырвался только тихий хрип.

– Кхе... кхе... – попыталась она сказать, но ничего не получилось.

– Ты чего? Заболела? – испугался Тишка.

Зинька замотала головой, спустилась пониже на ветку и жестами начала объяснять (лапками и крыльями показывать). Тишка смотрел очень внимательно и пытался понять. Сначала он подумал, что Зинька показывает, будто кто-то украл у них голоса. Потом – что они утонули в ручье. Но в конце концов разобрался: оказывается, все птицы в лесу потеряли голоса! И не просто так, а потому что перепили холодной росы утром с замёрзших листьев. Горлышки замёрзли, и теперь никто не мог спеть ни ноты.

– Ой-ой-ой, – сказал Тишка. – А как же вы теперь? Без песен?

Зинька грустно пожала плечиками.

Тишка задумался. Он знал, что в лесу есть один зверь, который умеет лечить горло. Это был старый филин Филимон, который жил в дупле на самой высокой сосне и знал тысячу секретов про травы и корешки. Но Филимон был очень сердитый и не любил, когда его беспокоили днём, потому что днём он спал.

– Ладно, – сказал Тишка Зиньке. – Я придумаю.

И он побежал к Бобровичу.

– Бобрович! Беда! – закричал он ещё издали.

Бобрович как раз чистил свою плотину от лишних веток.

– Какая беда? Вода уходит? – насторожился он.

– Нет, хуже! Птицы не поют! – выпалил Тишка.

Бобрович удивился. Для него, конечно, плотина была важнее, но он знал, что если Тишка говорит "беда", значит, действительно беда.

– И чего делать? – спросил он, отложив ветку.

– Надо к Филимону. Но он днём спит. А если его разбудить, он сердится и клюётся.

Бобрович почесал за ухом.

– А ты его не буди. Ты ему записку оставь.

– Какую записку? Я писать не умею, – вздохнул Тишка.

– А зачем писать? «Можно нарисовать», – сказал Бобрович. – Давай вместе нарисуем.

И они принялись рисовать. На большом листе лопуха Тишка нацарапал палочкой птичку с открытым клювом, а из клюва нарисовал ноту. Потом зачеркнул ноту – значит, не поёт. А рядом нарисовал вопросительный знак (Бобрович показал, как он выглядит).

Получилось очень понятно.

Они отнесли листок к высокой сосне, прижали камешком у самого входа в дупло и убежали подальше, чтобы не разбудить филина.

Весь день Тишка места себе не находил. А вечером, когда солнце село и лес потемнел, они с Бобровичем снова пришли к сосне.

Из дупла высунулась круглая голова с огромными жёлтыми глазами. Филимон Филимонович (так его звали полным именем) посмотрел на зайчонка и бобрёнка сверху вниз. В клюве у него был пучок сухой травы.

– Угу-мгу, – сказал он басом. – Это кто тут рисовать мастак?

Тишка оробел, но Бобрович подтолкнул его вперёд.

– Я, – пискнул Тишка. – Дяденька Филимон, птички заболели. Горлышки замёрзли. Помогите, пожалуйста.

Филимон посмотрел на него долгим взглядом, потом угукнул и бросил пучок травы вниз.

– Тимьян это. Болотная мята. Велите птицам жевать по листочку три раза в день и спать в гнёздах, носы не высовывать. К утру запоют.

И снова спрятался в дупло.

Тишка схватил пучок и помчался к Зиньке. А Зинька уже разбудила всех птиц в округе. Вместе они разобрали травку, и каждый унёс по листочку в своё гнездо.

А наутро... Лес просто взорвался песнями! Птицы заливали на все голоса – звонко, радостно, так, что даже папа Зайцевич, который любил утром поспать подольше, проснулся и улыбнулся.

К гнезду Зиньки прилетела Сойка-Златокрылка – та самая, что обронила Золотое пёрышко. Она покружилась над норой зайчат и что-то уронила.

Тишка выбежал на улицу и нашёл на траве маленький мешочек из берёзовой коры. Внутри были три ягодки – не простые, а лесные изюминки, сладкие-пресладкие.

– Это тебе от всех птиц, – прошептала Зинька, сидя на ветке. – Спасибо, Тишка!

В этот день Тишка угостил ягодками всех: Заечку, братьев, Бобровича, маму Зайчиху, папу Зайцевича и бабушку Фёклу. А одну ягодку оставил – положил в коробочку, рядом с Золотым пёрышком. На память о том, как важно помогать тем, у кого нет голоса.

Тишка и Непрошенный гость

Однажды в Большом Лесу случилось происшествие, которое взбудоражило всех от мала до велика.

Всё началось с того, что Шустрик прибежал домой завтракать с выпученными глазами.

– Там! Там! – кричал он, запыхавшись. – Чудовище!

– Где? – подскочил Рваное Ухо, сразу готовый к драке.

– У старого пня! Зелёное! Страшное! С хвостом!

Папа Зайцевич нахмурил брови.

– Прекрати выдумывать, Шустрик. В нашем лесу нет чудовищ.

– Но я видел! – не унимался Шустрик. – Оно сидело и дышало!

– Наверное, показалось, – сказала мама Зайчиха, разливая по мискам суп из одуванчиков.

Но Тишка задумался. Он знал Шустрика – тот, конечно, любил приврать, но, чтобы так испугаться... Надо было проверить.

После завтрака он позвал с собой Топотуна (самого спокойного из братьев), и они отправились к старому пню.

И правда – там кто-то сидел. Зелёный. С хвостом. И дышал, громко так, с присвистом.

Тишка и Топотун спрятались за кустом и стали наблюдать. А через минуту подошёл Бобрович (ему сорока на хвосте принесла новости про чудовище).

– Ну и кто это? – шепнул Бобрович.

– Не знаю, – так же шёпотом ответил Тишка. – Но на чудовище не похож. Маленький какой-то.

И правда, зелёный зверь был не больше самого Тишки. Он сидел, привалившись к пню, и тяжело дышал, высунув язык.

– По-моему, ему плохо, – сказал Топотун.

Тишка набрался храбрости и вышел из-за куста.

– Эй... – осторожно позвал он. – Ты кто?

Зелёный зверь открыл глаза – они оказались большими и грустными.

– Я Яшка, – сказал он тихо. – Ящерица. Я от ястреба убегал и лапку подвернул. Теперь идти не могу.

Тишка подошёл поближе. Ящерица и правда была зелёная, блестящая, с длинным хвостом и очень испуганная.

– А почему ты такой большой? – спросил Топотун, вылезая из кустов. – Шустрик сказал, ты чудовище.

– Я не чудовище, – обиделся Яшка. – Просто я на солнышке грелся, вот и раздулся немного. А когда страшно, я вообще раздуваюсь, чтобы врагов пугать.

Тишка осмотрел лапку ящерицы. Она и правда была опухшая.

– Надо к бабушке Фёкле, – решил он. – Она знает, что делать.

– Но я не дойду, – всхлипнул Яшка.

– Донесём, – сказал Бобрович, который уже всё понял и вышел из воды.

Они уложили ящерицу на большой лист кувшинки (Бобрович принёс из запруды) и понесли. Топотун нёс передний край, Тишка – задний, а Бобрович подталкивал сбоку, чтобы лист не переворачивался.

В норе бабушка Фёкла уже ждала – сорока и ей всё разболтала. Она осмотрела лапку, покачала головой, помазала какой-то мазью, пахнущей сосной и мятой, и замотала чистым листиком.

– Ничего страшного, – сказала она. – Дня три посидишь дома, и заживёт. Но сразу не бегай, дай лапке отдохнуть.

– А где мне сидеть? – спросил Яшка. – Я под пнём жил, но там теперь, наверное, опасно.

Тишка посмотрел на маму Зайчиху. Мама Зайчиха посмотрела на папу Зайцевича. Папа Зайцевич вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Пусть пока поживёт у нас. В лесу своих не бросают.

Яшка расплакался от радости, прямо на глазах у всех. А Пушок, Шустрик, Рваное Ухо, Топотун, Заечка и Тишка окружили его и стали наперебой предлагать, кто с ним будет играть, когда лапка заживёт.

Три дня Яшка прожил в норе зайцев. Спал он в коробке из-под шишек, которую уступила Заечка, и всё время стеснялся. А на четвёртый день лапка зажила, и Яшка вышел на улицу.

– Я никогда не забуду вашу доброту, – сказал он на прощание. – Если что случится – зовите. Я хоть и маленький, но зато в траве прятаться умею – лучше всех!

И он юркнул в траву, даже не зашелестев.

А вечером Тишка достал свою коробочку с сокровищами. Там уже лежали Золотое пёрышко и лесная изюминка от птиц. Тишка понюхал коробочку и улыбнулся. Теперь там появился ещё один запах – запах нового друга и доброго дела.

– Тишка, спать! – позвала мама Зайчиха.

– Иду, мама, – ответил Тишка и убрал коробочку под кровать.

Спал он в эту ночь крепко и видел во сне зелёную ящерицу, которая улыбалась ему во весь рот и махала хвостом.

Тишка и Запасливая Белка

Осень вступила в свои права. Листья пожелтели, и лес наполнился особым шорохом – это все звери готовились к зиме. Папа Зайцевич учил зайчат, какие корешки нужно выкапывать и сушить, а какие лучше оставить в земле до весны. Мама Зайчиха штопала зимние шубки – они хоть и линяли зайцы, но на всякий случай тёплые одеяльца тоже готовили.

В один из таких хлопотных дней Тишка отправился в глубину леса – там, говорили, растёт особенная сладкая трава, которую очень любила бабушка Фёкла. Трава и правда росла, и Тишка уже нащипал целую горсть, как вдруг услышал странный звук.

Кто-то плакал. Тоненько, отчаянно, захлёбываясь слезами.

Тишка раздвинул кусты и увидел рыженькую белочку. Она сидела на нижней ветке сосны, обхватив голову лапками, и горько плакала.

– Ты чего? – спросил Тишка, подходя поближе. – Потерялась?

Белочка подняла голову. Глазки у неё были красные, мокрые, а в лапках она сжимала пустой гриб.

– Я не потерялась, – всхлипнула она. – Я всё потеряла!

– Как потеряла? Что потеряла?

– Всё! – ещё громче заплакала белочка. – Все запасы! Я целое лето собирала орехи, грибы сушила, шишки складывала. У меня была самая лучшая кладовка в старом дупле! А сегодня прихожу – а дупла нет!

– Как это – нет? – удивился Тишка.

– Дятел продолбил новую дыру, и моё дупло провалилось внутрь! Всё пропало! – белочка зарыдала так громко, что с сосны посыпались иголки.

Тишка задумался. Он посмотрел на свою травку для бабушки, потом на белочку, потом снова на травку.

– А как тебя зовут? – спросил он.

– Рыжуля, – шмыгнула носом белочка.

– Слушай, Рыжуля, – сказал Тишка. – Ты не плачь. Пойдём со мной.

– Куда?

– К моему другу Бобровичу. Он строить умеет. Мы тебе новую кладовку сделаем.

Рыжуля недоверчиво посмотрела на зайчонка, но слезать с ветки не спешила.

– А ты не обманываешь?

– Я Тишка. Я никогда не обманываю, – серьёзно ответил зайчонок.

Через полчаса они втроем – Тишка, Рыжуля и Бобрович – стояли под старой осиной и смотрели на то место, где раньше было дупло. Теперь там зияла большая дыра, а внутри было пусто и темно.

– Не годится, – сказал Бобрович, деловито постучал по коре. – Тут теперь только муравьям жить. А тебе, Рыжуля, нужно другое место.

– Но где? – чуть снова не заплакала белочка. – Все хорошие дупла уже заняты!

– А мы не дупло сделаем, – загадочно сказал Тишка. – Мы сделаем дом.

– Из чего?

– Из веток. Как у бобров, только на дереве.

Бобрович почесал затылок.

– Это мысль. Но на дерево я залезть не могу. У меня лапы не такие.

– А мы и не полезем, – сказал Тишка. – Мы снизу строить будем, а Рыжуля наверху принимать.

И они принялись за работу.

Весь день кипела стройка. Тишка таскал тонкие веточки, Бобрович подбирал потолще и очищал от коры, а Рыжуля сидела на дереве и показывала, куда что класть. Потом прибежали Пушок, Шустрик, Топотун и даже Рваное Ухо (правда, он сначала хотел подраться с Бобровичем, но передумал, когда узнал, что строят дом для белочки).

К вечеру на осине, в развилке толстых ветвей, красовалась уютная постройка. Бобрович придумал сделать крышу из коры, чтобы дождь не мочил, а Тишка натаскал сухого мха, чтобы внутри было мягко.

Рыжуля прыгнула внутрь, повертелась, выглянула наружу, и глаза её засияли.

– Ребята! – закричала она. – Это лучше, чем дупло! Тут даже окошко есть!

И правда, между веточками осталась маленькая щёлочка, в которую можно было смотреть на лес.

– Спасибо вам! – Рыжуля выскочила и обняла сначала Тишку, потом Бобровича, потом всех зайчат по очереди. – Я теперь никогда-никогда не забуду вашу доброту!

– А как же запасы? – спросил практичный Шустрик. – Ты же всё потеряла.

Рыжуля погрустнела, но тут из кустов раздался шорох, и показалась знакомая мордочка.

– Слышал я про беду, – сказал Яшка-ящерица, вылезая на пенёк. – Сорока по всему лесу разнесла. Дятел этот, который дупло пробил, теперь мучается совестью. Он говорит, не знал, что там кладовка. И хочет помочь.

– Как помочь? – удивилась Рыжуля.

– У него тоже запасы есть. Червячки там, личинки. Он говорит, если тебе не противно, можешь брать. А ещё крот обещал корешков поделить. И мыши-полёвки зерна натащат.

Рыжуля сначала опешила, а потом улыбнулась.

– Так я не одна? – спросила она.

– Ты в лесу, – важно сказал Тишка. – А в лесу своих не бросают. Это папа Зайцевич говорит.

Через неделю у Рыжули в новом домике было полно припасов. Кто-то принёс орехи, кто-то – сушёные ягоды, а старый дятел и правда натаскал вкусных личинок, завернутых в листья. Рыжуля потом говорила, что личинки – это объеденье, но это она, наверное, из вежливости.

А Тишка получил от белочки подарок – самый красивый рыжий волосок из её хвоста.

– Положи в свою коробочку, – сказала Рыжуля. – Будешь вспоминать меня.

Тишка так и сделал. Теперь в коробочке с сокровищами лежали: Золотое пёрышко, лесная изюминка, рыжий беличий волосок и маленький камушек, который подарил Яшка-ящерица ("просто так, на память").

Тишка и Новый год

В Большом Лесу наступила зима. Выпал снег – пушистый, белый, искристый. Вся заячья нора утеплилась мхом и сухой травой, и снаружи её совсем не было видно – только маленькая дырочка-лаз, которую папа Зайцевич тщательно замаскировал ветками.

Зайчата теперь реже выходили наружу – холодно. Но сидеть в норе целыми днями было скучно. Особенно скучал Тишка. Он всё время выглядывал в лаз и смотрел на снег.

– Мам, а когда весна? – спрашивал он.

– Скоро, – отвечала мама Зайчиха. – Сначала Новый год придёт, потом весна.

– А что такое Новый год? – спросила Заечка, отрываясь от вышивания (она училась вышивать узоры на листьях).

– Это праздник, – объяснил папа Зайцевич. – Самый главный зимний праздник. Все звери собираются вместе, водят хороводы и дарят подарки.

– А у нас будет праздник? – подскочил Шустрик.

Папа Зайцевич и мама Зайчиха переглянулись.

– Ну... – замаялся папа. – Вообще-то зайцы обычно Новый год не отмечают. Мы больше по норам сидим, от лис и волков прячемся.

– Как это – не отмечают? – удивился Тишка. – А подарки? А хороводы?

– Подарки – это хорошо, – мечтательно сказала Заечка.

И тут Тишке в голову пришла идея. Такая идея, от которой его уши затряслись сильнее обычного.

– А давайте устроим Новый год сами! – воскликнул он. – Для всех! Для зайцев, для белок, для бобров, для птичек, для мышек! Для всех-всех!

– Тишка, ты что! – испугалась мама Зайчиха. – Это же опасно! Лиса придёт, волк придёт...

– А мы их не позвоём, – нашёлся Тишка. – Только тех, кто хороший. И место выберем такое, где лисы не ходят.

– Где ж такое место? – усомнился папа Зайцевич.

– У Бобровича на запруде! – выпалил Тишка. – Там лёд крепкий, кругом вода, а посредине островок! Лиса туда не доберётся, а мы по льду дойдём!

Папа Зайцевич задумался. Идея и правда была неплохая.

– Ну, попробуйте, – сказал он наконец. – Только осторожно.

И закипела работа.

Тишка побежал к Бобровичу. Бобрович идею поддержал и сразу начал расчищать площадку на островке от снега.

Потом Тишка отправился к Рыжуле. Рыжуля обрадовалась и обещала принести орехов и сказать всем белкам, чтобы тоже несли.

Потом к Зиньке-птичке. Зинька хоть и не пела зимой так громко, но всё равно согласилась помочь – она и другие птицы обещали украсить ёлку ягодами рябины, которые остались на ветках.

Потом к Яшке-ящерице. Яшка, правда, зимой спал, но Тишка разбудил его (извинился, конечно), и Яшка пообещал разбудить мышек-полёвок, чтобы те тоже пришли.

А ещё Тишка придумал главное – ёлку. Настоящую лесную красавицу, которую нужно нарядить.

Ёлку выбрали самую пушистую, что росла на краю островка. Бобрович притащил сосульки – они блестели на солнце, как настоящие бриллианты. Рыжуля и белки развесили орехи и шишки. Птицы натыкали в ветки ягоды рябины. Мышки-полёвки принесли сухие колоски. А Заечка с мамой Зайчихой сплели гирлянду из сухих листьев и ягод – получилось очень красиво.

Наступил новогодний вечер. На островке собралось столько зверей, сколько Тишка никогда в жизни не видел. Белки прыгали по веткам, мышки топтались в снегу, птички сидели на ёлке, бобры приплыли всей семьёй, даже старый филин Филимон Филимонович прилетел посмотреть (правда, сел подальше и делал вид, что просто мимо летел).

И вдруг Заечка дёрнула Тишку за лапку:

– Тишка, смотри!

Из-за деревьев, по льду, крадучись, шла Лиса. Рыжая, пушистая, с голодными глазами. Все замерли.

– Ой, – пискнула какая-то мышка. – Сейчас съест.

Тишка почувствовал, как его уши затряслись, но не от страха, а от злости. Как она посмела испортить праздник!

– Не бойтесь, – сказал он громко. – Бобрович, давай!

Бобрович уже всё понял. Он свистнул – и в тот же миг вся бобриная семья, которая сидела у края островка, разом плюхнулась в воду и изо всех сил хлопнула хвостами по воде. Брызги полетели во все стороны, лёд вокруг островка затрещал и... начал ломаться! Полынья расширялась прямо на глазах.

Лиса замерла на полпути. До островка оставалось всего ничего, но впереди была чёрная вода.

– Р-р-р! – зарычала Лиса. – Всё равно доберусь!

– А вот и нет! – крикнул Тишка.

И тут в небо взлетела стайка птиц. Зинька и её подружки несли в клювах... ягоды рябины. И они начали кидать их прямо в Лису! Ягоды, конечно, не камни, но Лиса от неожиданности замахала лапами, закружилась на месте и... бултых!

Она провалилась в воду! Не глубоко, по брюхо, но для лисы, которая не любит купаться, это было ужасно.

Лиса выскочила на лёд, отряхнулась и, поджав хвост, помчалась прочь, даже не оглядываясь.

– Ура! – закричали все звери.

Праздник продолжался. Водили хоровод вокруг ёлки, ели орехи и ягоды, слушали, как птицы пытаются петь зимние песенки (получалось хрипловато, но очень старательно). А когда пришло время дарить подарки, каждый нашёл что-то для другого.

Тишка получил от Бобровича маленькую, идеально круглую деревянную звёздочку, выточенную из ветки. От Рыжули – три орешка. От птиц – пёрышко, не золотое, но очень красивое, синее. От мышек – сухой колосок. А от Яшки-ящерицы – маленький камушек с блестящей прожилкой.

– Это волшебный, – шепнул Яшка. – Он желания исполняет. Я проверил.

Домой Тишка вернулся поздно ночью, уставший, замёрзший, но безумно счастливый.

– Ну как? – спросила мама Зайчиха, укутывая его одеялом и пододвигая миску с горячим морковным чаем.

– Мама, это было лучшее, что я видел в жизни! – выпалил Тишка. – Мы прогнали Лису, мы водили хоровод, мы...

– Тише-тише, – улыбнулась мама. – Сначала чай, потом расскажешь.

Тишка пил чай и смотрел на свои сокровища, разложенные на столе. Сколько их теперь стало! Рыжий волосок, синее пёрышко, деревянная звёздочка, блестящий камушек, три орешка и сухой колосок.

– Что, пересчитываешь богатство? – подмигнул папа Зайцевич.

– Пап, – серьёзно сказал Тишка. – Это не богатство. Это... это друзья. Каждая вещь – это чей-то подарок. А подарок – это кусочек друга, который всегда с тобой.

Папа Зайцевич посмотрел на сына и вдруг понял, что его маленький Тишка вырос. Не ростом, а сердцем.

– Ты прав, сынок, – сказал он и погладил Тишку по голове. – Ты совершенно прав.

В ту ночь Тишке снились удивительные сны. Ему снилось, как все звери в лесу держатся за лапки, за крылышки, за хвостики и водят огромный-преогромный хоровод вокруг всей земли. И в центре этого хоровода стоит он – маленький зайчонок по имени Тишка, который просто любит помогать другим.

А за окном падал снег. Падал и укрывал лес пушистым одеялом до самой весны. До новых приключений.

Тишка и Весенний ручей

Зима подходила к концу. Снег в лесу стал рыхлым, тяжёлым и каким-то сероватым. Сосульки на ветках звонко капали весь день, а к вечеру замёрзали снова, превращая лес в хрустальный дворец.

В заячьей норе все чувствовали приближение весны. Бабушка Фёкла говорила, что у неё кости ноют – значит, скоро тепло. Папа Зайцевич то и дело выходил наружу и нюхал воздух. А зайчата просто не могли усидеть на месте – их распирала энергия, как брожение в прокисшем морковном соке.

– Мам, можно мы на улицу? – ныли Пушок, Шустрик, Топотун и Рваное Ухо хором.

– Идите, – вздыхала мама Зайчиха. – Только далеко не уходите и к ручью не подходите – лёд тонкий!

Зайчата высыпали наружу и разбежались кто куда. Тишка же пошёл не спеша. Он любил весну за то, что можно было наблюдать, как просыпается лес. Вот на проталинке показалась первая зелёная травинка. Вот муравей выполз погреться на старом пне. Вот дятел застучал громче обычного – будто весну приветствовал.

Тишка шёл и шёл, сам не заметив, как, и оказался у ручья. А там – Бобрович. Сидел на берегу и смотрел на воду грустными глазами.

– Бобрович! – крикнул Тишка. – Ты чего такой скучный? Весна же!

– Весна-то весна, – вздохнул Бобрович. – Да только плотину мою ломает.

– Как ломает?

– А вот так. Снег тает, воды много, напор сильный. Вон, смотри.

Тишка посмотрел на запруду и увидел, что вода действительно пробила себе новый проход, обходя плотину сбоку. Бобрович сколько ни пытался заткнуть дыру ветками, вода всё равно размывала.

– Надо больше веток, – сказал Бобрович. – Но одному мне не справиться. Отец ушёл дальше по ручью, свою плотину чинить. А я тут...

– Так я помогу! – воскликнул Тишка. – Сейчас братьев позову!

Он побежал обратно, но по пути встретил не братьев, а... Заечку. Сестрёнка сидела на поваленном дереве и горько плакала.

– Заечка! Ты чего?

– Я... я... – всхлипывала Заечка. – Я шла за подснежниками, хотела маме букет собрать, а там ручей... я прыгнула через него, а кустик, за который я уцепилась, вырвался, и я упала в воду! И теперь я вся мокрая, холодная, и подснежники уплыли, и мама будет ругаться!

– Ты замёрзла? – испугался Тишка.

– Очень! – Заечка стучала зубами так громко, что было слышно за версту.

Тишка на секунду задумался. Бобровичу нужна помощь. Сестрёнка замёрзла и может заболеть. Что делать?

– Пошли, – решительно сказал он. – Сначала тебя греть.

Он схватил Заечку за лапку и потащил обратно к ручью, только в другое место – туда, где Бобрович недавно натаскал кучу сухой травы для утепления своей хатки.

– Залезай! – командовал Тишка, зарывая сестру в траву по самые уши.

Заечка сначала возмущалась, но потом поняла, что в траве действительно тепло и сухо. Зубы перестали стучать.

– А ты куда? – спросила она, видя, что Тишка собирается уходить.

– Я быстро. Посиди тут, никуда не уходи.

Тишка побежал к тому месту, где играли братья. Они как раз устроили соревнование – кто дальше прыгнет с кочки на кочку.

– Братья! – закричал Тишка. – Беда! Точнее, две беды! Бобровичу плотину чинить надо, а то его хатку затопит, а Заечка в ручей упала и замёрзла, я её в траву закопал, но ей одной страшно!

Зайчата переглянулись.

– Надо разделиться, – сказал Топотун, который всегда думал логически. – Пушок и Шустрик, бегите к Заечке, сидите с ней, грейте её. А мы с Рваным Ухом – к Бобровичу.

– Я тоже к Бобровичу, – сказал Тишка.

Так и сделали.

У плотины работа закипела. Топотун, Рваное Ухо и Тишка таскали ветки, а Бобрович укладывал их в самое слабое место. Потом прибежал Пушок (Шустрик остался с Заечкой) и тоже включился в работу.

- Глины надо! – крикнул Бобрович. – Ветки водой смывает, надо глиной мазать!
- Где глину брать? – спросил Топотун.
- Вон там, за поворотом, берег глиняный есть!

Рваное Ухо, не раздумывая, рванул за глиной. Он притащил целый ком в зубах – вымазался так, что стал не заяц, а какой-то бурый монстр.

- Давай сюда! – Бобрович принялся обмазывать ветки глиной.

К вечеру, когда солнце уже спряталось за тучи, плотина была починена. Вода журчала ровно, спокойно, как положено.

- Уф, – выдохнул Бобрович, вытирая пот со лба. – Спасли. Спасибо вам, братцы!
- Мы к Заечке! – крикнул Тишка, и зайчата побежали к тому месту, где оставили сестру.

Заечка сидела в траве, укутанная с головы до ног, а рядом с ней сидел Шустрик и рассказывал сказки.

- Замёрзла? – спросил Тишка, запыхавшись.
- Нет, уже согрелась, – улыбнулась Заечка. – Тут тепло. И Шустрик смешно рассказывает.

А где подснежники?

Тишка посмотрел на братьев. Те развели лапами.

- Подснежники уплыли, – вздохнул Тишка. – Прости.

Заечка тоже вздохнула, но не заплакала.

– Ничего, – сказала она. – Главное, что вы все пришли. И Бобровичу помогли, и меня не бросили.

Домой они вернулись все вместе – чумазые, мокрые, уставшие, но счастливые. Заечка несла в лапках... пучок прошлогодней травы, который нашла по дороге. Она решила, что это будет подарок маме – "символ того, что всё живое возвращается".

Мама Зайчиха, увидев своих зайчат, сначала всплеснула лапами, потом пересчитала всех по головам (все пятеро на месте!), потом обняла каждого и повела в нору – отмываться и отпаивать чаем.

А папа Зайцевич, выслушав историю, сказал:

- Молодцы. Дружно работали, сестру не бросили. Настоящая заячья семья.

Тишка в этот вечер уснул быстро. И снились ему подснежники, которые всё-таки расцвели – целая поляна, а на ней Заечка пляшет от радости.

Тишка и Чужак

В середине весны, когда снег уже почти сошёл, а травка только-только начала пробиваться, в Большом Лесу появился незнакомец.

Первым его заметил Шустрик. Он как раз лазил по кустам в поисках прошлогодних ягод и вдруг нос к носу столкнулся с кем-то серым, лохматым и очень испуганным.

- А-а-а! – закричал Шустрик.

- А-а-а! – закричал незнакомец.

И оба разбежались в разные стороны.

Шустрик примчался домой без дыхания.

– Там! Там! – кричал он, показывая лапой куда-то в лес. – Чудовище! Лохматое! Страшное! Оно на меня смотрело!

– Опять двадцать пять, – вздохнул папа Зайцевич. – То ящерица была чудовищем, то теперь кто-то ещё.

- Но я правда видел! – настаивал Шустрик.

Тишка наострил уши.

- А какое оно? – спросил он.

- Серое! И глаза большие! И уши – во!

Тишка задумался. Уши – во... Серое... Похоже на зайца. Но зайцев в этом лесу он знал всех. Кто же это мог быть?

– Надо проверить, – сказал он.

– Я с тобой, – вызвался Рваное Ухо. Он хоть и был драчуном, но в разведку ходить любил.

Они отправились вдвоём. Шустрик показал место и спрятался за братьями – на всякий случай.

Долго искать не пришлось. Под большим кустом, съёжившись в комочек, сидел зайчонок. Незнакомый, худой, грязный и такой испуганный, что при виде Тишки и Рваного Уха затрясся всем телом.

– Не ешьте меня! – закричал он, закрывая голову лапами.

– Чего? – удивился Рваное Ухо. – Мы зайцы, мы траву едим, а не зайцев.

– Правда? – незнакомец приоткрыл один глаз.

– Правда, – сказал Тишка мягко. – Ты кто? Откуда?

Зайчонок высунул нос, потом уши, потом весь выбрался из-под куста.

– Я Кузька, – сказал он тихо. – Я из-за дальнего болота. Там лисы... они всю мою семью... я один убежал. Бежал три дня, ничего не ел, пил из луж. А тут лес чужой, все страшные.

У Тишки сжалось сердце. Он вспомнил, как однажды сам боялся лисы, когда забрёл слишком далеко от норы.

– Пойдём с нами, – сказал он.

– Куда?

– Домой. К нам. Там мама Зайчиха вкусно кормит, там братья, там бабушка Фёкла мудрая. Не бойся.

Кузька недоверчиво посмотрел на Тишку, но голод и усталость взяли своё. Он поплёлся за новыми знакомыми.

Когда они пришли в нору, там поднялся переполох. Заечка сразу принесла воды. Мама Зайчиха ахнула и побежала греть суп. Бабушка Фёкла покачала головой и достала свои лечебные травки – у Кузьки была ранена лапка.

Папа Зайцевич долго смотрел на чужака, а потом сказал:

– В лесу своих не бросают. Оставайся, Кузька. Поживёшь пока у нас.

Кузька расплакался. Он плакал и не мог остановиться, и все делали вид, что не замечают, потому что понимали – это слёзы облегчения.

Первые дни Кузька всего боялся. Шарахался от каждого шороха, вздрагивал, если кто-то подходил сзади, и почти ничего не ел, хотя мама Зайчиха старалась изо всех сил.

– Он от голода отвыл, – вздыхала она. – Надо маленькими порциями, понемножку.

Тишка взял шефство над новым другом. Он показывал ему лес, рассказывал, где растёт самая вкусная трава, где можно спрятаться от дождя, а куда лучше не соваться.

– А бояться чего? – спросил как-то Кузька.

– Всего, – честно ответил Тишка. – Лис, волков, сов больших, охотников, если они приходят. Но мы не одни. Мы вместе. Если вместе – не страшно.

– Вместе не страшно, – повторил Кузька и впервые за долгое время улыбнулся.

Пушок, Шустрик, Топотун и Рваное Ухо сначала относились к Кузьке насторожённо – чужак всё-таки. Но потом Рваное Ухо предложил поиграть в догонялки, и Кузька, хоть и проиграл, смеялся громче всех.

– Ничего, – сказал Рваное Ухо, хлопая его по спине. – Натренируешься. Будешь быстро бегать, как мы.

А Заечка просто села рядом с Кузькой однажды вечером и сказала:

– Ты не бойся. Тут хорошо. Тут все добрые. Я тоже иногда боюсь, но, когда Тишка рядом, мне спокойно.

– Почему Тишка? – спросил Кузька.

– Потому что он всегда придумает, что делать, – улыбнулась Заечка. – Он самый храбрый из нас. Не потому, что не боится, а потому что, когда страшно, всё равно делает то, что надо.

Прошло две недели. Кузька окреп, отъелся на маминых Зайчихиных пирогах, перестал вздрагивать от каждого шороха. Лапка зажила, и он уже всю бегал с зайчатами по лесу.

И вот однажды он подошёл к Тишке.

– Тишка, – сказал Кузька серьёзно. – Я хочу тебе кое-что сказать.

– Что?

– Я тебя никогда не забуду. Ты меня спас. Если бы не ты, я бы там, под кустом, и умер. От страха и голода.

– Ну что ты, – смутился Тишка. – Я же не один. Все помогали.

– Но ты первый подошёл, – настаивал Кузька. – Ты не испугался. Ты сказал "пойдём с нами". Я хочу... я хочу тебе подарок сделать. У меня ничего нет, я всё потерял. Но я могу дать тебе обещание.

– Какое?

– Если когда-нибудь тебе будет нужна помощь, я приду. Откуда угодно приду. Даже если буду далеко, я услышу. Я теперь всегда буду твоим другом. Навсегда.

Тишка посмотрел на Кузьку и вдруг понял, что это самый дорогой подарок из всех, что у него были. Даже дороже Золотого пёрышка.

– Спасибо, Кузька, – сказал он. – Ты уже мой друг. С того самого момента, как я тебя увидел под кустом.

В тот вечер Тишка достал свою коробочку с сокровищами. Он долго смотрел на неё, а потом убрал обратно.

"Нет, – подумал он. – Обещание друга не положишь в коробочку. Оно в сердце лежит".

И он погладил себя по груди, там, где сердце, и улыбнулся.

В коробочку он положил только маленькую травинку, которую нашёл на том месте, где впервые увидел Кузьку. Просто на память.

А наутро Тишку ждало новое приключение. Потому что в Большом Лесу никогда не бывает скучно, если у тебя есть друзья и большое доброе сердце.

Тишка и Чудесный куст

Стоял тёплый летний день. Солнце припекало так, что даже зайцы, которые обычно любят греться, попрятались в тень. Папа Зайцевич разлёгся под старым дубом и посапывал. Мама Зайчиха вязала из травинки новые коврики. Бабушка Фёкла дремала в самом прохладном углу норы.

А зайчатам было жарко. И скучно. И жарко. И скучно.

– Ну вот что делать? – ныл Шустрик. – Бегать – жарко. Играть – жарко. Есть – тоже жарко, и не хочется.

– А давайте на речку сходим, – предложил Топотун. – У Бобровича искупаемся.

– Мама не разрешает далеко ходить в такую жару, – вздохнула Заечка. – Говорит, солнечный удар можно получить.

– А мы по тенечку, – не унимался Топотун.

– Всё равно далеко, – отрезала Заечка.

Тишка слушал-слушал, а потом встал и сказал:

– Я пойду поищу что-нибудь интересное. Кто со мной?

Кузька, который теперь уже совсем освоился в новой семье и стал шестым зайчонком, сразу вскочил:

– Я!

– И я, – добавил Пушок.

Остальные зайчата посмотрели на солнце, на тень, снова на солнце и решили, что лучше поспать.

Тишка, Кузька и Пушок отправились в самую густую часть леса, где всегда было прохладно. Они шли не спеша, нюхали цветы, слушали птиц и радовались, что не остались в норе.

И вдруг Кузька остановился как вкопанный.

– Тишка! Пушок! Смотрите!

Зайчата выглянули из-за куста и увидели поляну. Обычную зелёную поляну, посреди которой рос куст. Тоже обычный, орешник вроде. Но вокруг этого куста творилось что-то невероятное.

Бабочки кружили над ним хороводом, не улетаая. Пчёлы жужжали особенно сладко. А на ветках сидело сразу несколько птиц, и все они пели – каждая свою песню, но вместе получалось удивительно красиво.

– Что это? – прошептал Пушок.

– Не знаю, – так же шёпотом ответил Тишка. – Но явно что-то необычное.

Они подошли поближе. Куст как куст, листья зелёные, кора коричневая. Но в самом центре, среди ветвей, висела одна-единственная ягодка. Большая, золотистая, прозрачная, будто внутри у неё горел маленький огонёк.

– Ягодка... – выдохнул Кузька.

– Не простая, – сказал Тишка.

Тут с ветки вспорхнула Зинька и села Тишке на голову.

– Тишка! Тишка! – зачирикала она. – Ты пришёл! Ты тоже её почувствовал?

– Кого – её? – не понял Тишка.

– Ягодку! Это же Чудесный куст! Раз в сто лет он вырастает в лесу, и только тот, у кого чистое сердце, может его найти!

– Почему мы его нашли? – удивился Пушок. – Мы просто гуляли.

– Значит, у вас чистые сердца, – важно сказала Зинька. – А ягодка эта – волшебная. Кто её съест, тот одно заветное желание исполнит.

Зайчата переглянулись. Одно желание! Целое желание!

– Надо сорвать! – сказал Пушок и потянулся лапкой к кусту.

– Стой! – остановила его Зинька. – Так просто не получится. Ягодку нужно заслужить. Куст просто так не отдаёт. Надо сделать что-то очень доброе. Прямо здесь и сейчас.

– Что? – растерялись зайчата.

– Не знаю, – вздохнула Зинька. – Куст сам подскажет.

Они стояли и смотрели на ягодку, а ягодка светилась и переливалась на солнце. И вдруг Тишка услышал тоненький писк. Он прислушался. Писк доносился откуда-то снизу, из травы.

Тишка раздвинул стебли и увидел маленького мышонка. Совсем крошечного, серенького, с зажмуренными глазками. Он сидел в ямке и пищал.

– Ты чего? – спросил Тишка.

– Я потерялся, – пропищал мышонок. – Я за бабочкой побежал, а потом бабочка улетела, а я не знаю, куда идти. И есть хочу. И страшно.

– А где твой дом?

– Не знаю, – захныкал мышонок. – Там тепло, там мама, там братья и сёстры. А тут всё чужое.

Тишка посмотрел на мышонка, потом на Кузьку, потом на Пушка.

– Надо помочь, – сказал он.

– А как? – спросил Пушок. – Мы не знаем, где его нора.

– Поищем, – решительно сказал Тишка. – Вместе быстрее.

И они отправились искать мышиную нору. Тишка нёс мышонка на спине, придерживая лапкой, чтобы тот не упал. Пушок бежал впереди и заглядывал под каждый куст. Кузька нюхал землю – вдруг мышиный след учует.

Они обошли полполяны, потом ещё четверть, и уже начали отчаиваться, когда вдруг услышали отчаянный писк. Пищала взрослая мышь, которая металась взад-вперёд у старого пня.

– Мой сыночек! – кричала она. – Мой малыш пропал!

– Мама! – закричал мышонок на спине у Тишки.

Мышь обернулась и замерла. А потом бросилась к ним.

– Мой мальчик! – она обнимала мышонка, лизала его, прижимала к себе. – Где ты был? Я с ума сошла!

– Меня зайчики спасли, – пропищал мышонок, показывая лапкой на Тишку, Кузьку и Пушка.

Мышь-мама обернулась к зайчатам, и в глазах у неё блеснули слёзы.

– Спасибо вам, – сказала она дрожащим голосом. – Спасибо огромное. Если бы не вы... я даже думать боюсь. Как мне вас отблагодарить?

– Ничего не надо, – смутился Тишка. – Мы просто помогли.

– Но я должна! – настаивала мышь.

– Правда, не надо, – сказал Кузька. – Мы рады, что малыш нашёлся.

Мышь посмотрела на них долгим взглядом, потом кивнула и унесла мышонка в нору под пнём.

А зайчата вернулись на поляну к Чудесному кусту. И ахнули.

Ягодка висела на том же месте, но теперь она светилась ещё ярче, и, кажется, стала больше. А вокруг неё кружился золотистый свет.

– Сорвите, – прошептала Зинька. – Теперь можно.

Тишка протянул лапку, осторожно сорвал ягоду. Она была тёплая и мягкая.

– Кто будет есть? – спросил Пушок.

Зайчата переглянулись. Каждому хотелось загадать желание.

– Давай ты, Тишка, – сказал Кузька. – Ты первый мышонка нашёл.

– Нет, мы вместе помогали, – возразил Тишка. – Давайте... давайте поделим её на троих?

– А можно? – усомнился Пушок.

– Попробуем, – решил Тишка.

Он аккуратно разломил ягоду на три части. Внутри она оказалась не с косточкой, а с тёплым светом, который переливался и струился.

Каждый взял свою часть и съел. Ягодка растаяла во рту, оставив после себя вкус земляники, мёда и ещё чего-то неуловимого, очень приятного.

– Какое желание загадал? – спросил Кузька у Пушка.

– Чтобы у всех всегда была еда, – сказал Пушок. – Чтобы никто в лесу не голодал.

– А я, – сказал Кузька, – чтобы никто никогда не терял свою семью.

– А я, – сказал Тишка, подумав, – чтобы мы всегда были вместе. Все зайчата. И все, кого мы любим.

– Сбудется, – прошептала Зинька. – Обязательно сбудется. Потому что желания от чистого сердца всегда сбываются.

И правда, с того дня в лесу как-то незаметно стало лучше. То ли ягодка подействовала, то ли просто зайчата стали добрее, но еды стало больше, семьи перестали теряться, а Тишка, Кузька, Пушок и все остальные зайчата действительно всегда были вместе.

Тишка и Гроза

Лето в тот год выдалось жаркое. Солнце пекло нещадно, трава начала желтеть, а лесные ручьи обмелели так, что Бобрович ходил встревоженный и всё время проверял уровень воды в своей запруде.

– Совсем мало воды, – жаловался он Тишке. – Ещё неделька такой жары, и моя хатка на берегу окажется. А бобрам без воды нельзя.

– Дождь будет, – успокаивал его Тишка. – Бабушка Фёкла сказала, что по её костям – скоро дождь.

И дождь действительно пришёл. Но не такой, какого ждали.

Началось всё с духоты. Воздух стал тяжёлым, липким, дышать было трудно. Птицы попрятались. Даже комары перестали кусаться и забились под листья.

– Быстро все в нору! – скомандовал папа Зайцевич, тревожно пригнувшись. – Гроза будет. Сильная.

Зайчата послушно забежали внутрь. Мама Зайчиха закрыла вход сухой травой. Бабушка Фёкла зажгла светлячков в баночке – стало светло и уютно.

И тут грянуло.

Небо раскололось пополам. Гром грохнул так, что задрожала земля. Молния сверкнула за молнией, и хлынул ливень – не дождь, а настоящий водопад с неба.

– Ой-ой-ой, – пищала Заечка, затыкая уши лапками.

– Не бойся, – обнимал её Тишка. – Мы в норе, мы в безопасности.

Но сам он тоже немного боялся. Гром гремел без остановки, молнии сверкали так близко, что свет пробивался даже сквозь закрытый вход.

И вдруг зайчата услышали странный звук. Сквозь шум дождя и раскаты грома доносился чей-то крик.

– Там кто-то есть! – наострил уши Тишка.

– Сидите все! – строго сказал папа Зайцевич. – Из норы ни ногой!

Но Тишка уже не слушал. Крик повторился – жалобный, отчаянный.

– Это Яшка! – догадался Тишка. – Яшка-ящерица! Он под пнём живёт, а там всё зальёт!

– Тишка, нельзя! – закричала мама Зайчиха, но Тишка уже выскочил из норы.

Дождь хлестал по мордочке, ничего не было видно. Молнии сверкали так близко, что шерсть вставала дыбом. Тишка мчался к старому пню, перепрыгивая через лужи, которые росли прямо на глазах.

– Яшка! – кричал он. – Яшка, ты где?

– Здесь! – донёсся слабый голос.

Пень стоял в воде. Вода уже подбиралась к самой норе ящерицы. Яшка сидел на самой верхушке пня, дрожал всем телом и от страха стал совершенно белым, а не зелёным.

– Тишка! – закричал он, увидев друга. – Я тону!

– Держись! – Тишка подбежал к пню.

Но как спасти ящерицу? Вода вокруг была уже глубокая, а Яшка не умеет плавать – у него лапки не для этого.

И тут Тишка увидел большую корягу, которая плавала рядом. Он изо всех сил толкнул её к пню.

– Прыгай на неё! – крикнул он Яшке.

Яшка разбежался и прыгнул. Но коряга была скользкой, и ящерица чуть не свалилась в воду. Тишка подхватил его зубами за хвост (немножко больно, но терпимо) и тащил на корягу.

– Держись крепче! – крикнул Тишка и потащил корягу к берегу.

Это было трудно. Дождь заливал глаза, лапы скользили по мокрой траве, коряга была тяжёлой. Но Тишка тащил и тащил, пока не добрался до сухого места под большим деревом.

– Всё, – выдохнул он, падая от усталости. – Ты спасён.

Яшка обнял его за шею и заплакал.

– Ты рисковал жизнью из-за меня! – всхлипывал он. – А вдруг бы молния ударила?

– Не ударила же, – улыбнулся Тишка. – Главное, что ты жив.

Они посидели под деревом, пережидая самый сильный ливень, а потом, когда дождь немного стих, побежали к норе.

Дома их ждал переполох. Мама Зайчиха чуть не плакала. Папа Зайцевич сердито ходил из угла в угол. А зайчата сбились в кучку и боялись слово сказать.

Но когда Тишка вошёл, весь мокрый, грязный, счастливый, а с ним вошёл Яшка, белый от страха, но целый и невредимый, папа Зайцевич остановился.

– Я же сказал – не выходить! – начал было он, но мама Зайчиха перебила:

– Зато он Яшку спас. Если бы не Тишка, ящерица бы утонула.

Папа Зайцевич посмотрел на сына долгим взглядом. Вздохнул. А потом сказал:

– Молодец, Тишка. Ослушался, но молодец. В лесу своих не бросают. Даже под страхом смерти.

И обнял мокрого сына.

Яшку укутали в сухой мох, напоили горячим отваром (бабушка Фёкла заварила специальный, согревающий), и он просидел в норе до самого утра, потому что идти под дождь было нельзя – его нора всё равно уже затоплена.

– Теперь мне новый дом искать, – грустно сказал Яшка утром.

– А мы поможем, – пообещал Тишка. – Вместе с Бобровичем построим. Правда, ребята?

Все зайчата дружно закивали. Даже Рваное Ухо, который обычно только драться умел, вызвался таскать мох и сухие листья.

Через три дня у Яшки был новый дом – под большим камнем, на пригорке, где даже самый сильный дождь не страшен. Бобрович соорудил навес из коры, чтобы вода не капала, а Заечка украсила вход цветочками.

– Это самый лучший дом на свете, – сказал Яшка, обводя всех благодарными глазами. – Спасибо вам. Особенно тебе, Тишка. Ты мой спаситель.

– Какой я спаситель, – смутился Тишка. – Я просто друг.

Вечером, перед сном, Тишка достал свою коробочку с сокровищами. Там уже лежали Золотое пёрышко, лесная изюминка, рыжий беличий волосок, синее пёрышко, деревянная звёздочка, три орешка, сухой колосок, блестящий камушек и травинка с места встречи с Кузьмой.

Тишка подумал и положил рядом маленький камешек от нового дома Яшки.

– Чтобы помнить, – прошептал он. – Что настоящий друг познаётся в беде.

И уснул. Спал крепко, без снов. Потому что набегался за день так, что даже уши устали.

А утром его ждало новое приключение. Ведь в Большом Лесу каждый день случается что-то интересное, особенно если у тебя есть друзья и большое доброе сердце.

Предыстория Бабушкин секрет

На следующее утро Тишка проснулся раньше всех. Солнце только-только начинало золотить верхушки деревьев, а в норе было тихо-тихо. Только бабушка Фёкла не спала – сидела в своём уголке и что-то перебирала в старой коробке.

– Бабушка, – шепнул Тишка, подходя. – А ты чего не спишь?

– Спи, спи, внучек, – улыбнулась бабушка. – Я старая, мне мало спать надо. А вот смотри, что у меня есть.

Она достала из коробки старый-престарый засушенный лист.

– Что это? – спросил Тишка.

– Это, внучек, карта, – сказала бабушка Фёкла. – Легенда одна. Говорят, есть в нашем лесу место, где растёт самый сладкий клевер во всём свете. Кто его найдёт и съест, у того уши никогда не заболят. А кто поделится с другими – тот навсегда останется молодым сердцем.

– А где это место? – загорелся Тишка.

– Никто не знает, – вздохнула бабушка. – Карта старая, половина стёрлась. Может, найдёте когда-нибудь. Вы же у меня искатели знатные.

Тишка посмотрел на карту. На ней было нарисовано солнце, три сосны, ручей и большой камень. А дальше – стёрто.

– Найдём, бабушка, – твёрдо сказал Тишка. – Обязательно найдём. Вместе с друзьями.

– Верю, внучек, – улыбнулась бабушка Фёкла и погладила его по голове. – Верю.

Так у Тишки появилась новая цель. Но это уже совсем другая история...

Тишка и Поход за клевером

После разговора с бабушкой Фёклой Тишка не мог думать ни о чём другом, кроме волшебного клевера. Он даже коробочку с сокровищами доставал и перебирал, сидя над старой картой.

– Что это у тебя? – спросил Кузька, заглядывая через плечо.

– Карта, – шепнул Тишка. – Бабушка дала. Тут место отмечено, где самый сладкий клевер растёт. Кто его съест, у того уши никогда не заболят. А кто поделится с другими – навсегда молодым сердцем останется.

Кузька присвистнул (он недавно научился свистеть и теперь свистел по любому поводу).

– Надо идти! – сказал он.

– Надо, – согласился Тишка. – Только карта старая, половина стёрлась. Тут нарисовано: солнце, три сосны, ручей и большой камень. А дальше ничего не видно.

– Это же просто! – обрадовался Кузька. – Солнце – оно всегда сверху. Три сосны мы найдём. Ручей – это Бобровича ручей. А камень... В лесу много камней.

– Вот именно, – вздохнул Тишка. – Какой из них нужный – непонятно.

– А давай всех позовём? – предложил Кузька. – Вместе искать веселее.

Идея была хорошая. Вечером, когда все собрались в норе, Тишка показал карту и рассказал про клевер.

– Ой, как интересно! – захлопала в ладоши Заечка. – Я с вами!

– И я! – подскочил Шустрик.

– И я! – закричали Пушок, Топотун и Рваное Ухо хором.

Даже папа Зайцевич заинтересовался:

– Клевер, говорите? Сладкий? Ну-ну... В моём детстве тоже про него легенды ходили. Да только никто не нашёл.

– А мы найдём! – твёрдо сказал Тишка.

Утром следующего дня отряд отправился в путь. Шестеро зайчат: Тишка, Кузька, Заечка, Пушок, Шустрик, Топотун и Рваное Ухо (который всю дорогу пытался командовать, но его никто не слушал).

Первым делом они дошли до ручья, где уже с самого утра трудился Бобрович.

– Бобрович! – крикнул Тишка. – Бросай работу, пойдём с нами! Мы за волшебным клевером идём!

Бобрович высунул морду из воды, подумал секунду и вылез на берег.

– А чего, можно, – сказал он. – Плотины пока крепкая. А клевер я люблю. Хотя я и бобр, а травку тоже уважаю.

Теперь их стало семеро.

– Нам нужны три сосны, – объявил Тишка, сверяясь с картой. – Кто знает, где три сосны растут рядом?

– Я знаю! – вызвался Топотун. – Вон за тем холмом, где земляника была, там три сосны стоят. Я ещё подумал – красиво так, рядышком.

Пошли за холм. И правда – три сосны, высокие, стройные, стоят рядышком, будто специально посаженные.

– Есть! – обрадовался Тишка. – Теперь ищем ручей. Но ручей у нас уже есть, это мы прошли. Значит, нам нужен камень.

– Ка-а-амни, – протянул Пушок. – Тут их знаешь сколько?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.